

ОН РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ ЗЕМЛИ

Научная общественность Азербайджана отметила 90-летний юбилей видного азербайджанского учёного, доктора геолого-минералогических наук, старшего научного сотрудника Института геологии и геофизики НАНА Мухтара Ибрагим оглу Рустамова.

В самом начале своей деятельности он выбрал такие малоизученные в отдельных регионах Азербайджана направления геологической науки, как вулканология, петрология и тектоника. Будучи руководителем лабораторий «Петрология», он является в Азербайджане основоположником исследований в области геодинамики – основном приоритетном направлении в революционной научной теории геологии, названной тектоникой литосферных плит. Мухтар Рустамов первым среди геологов Азербайджана защитил кандидатскую диссертацию по вулканизмам, а докторскую диссертацию – по двум главным направлениям в геологии: геотектонике, геодинамике и петрологии; вулканологии. Результаты исследований азербайджанского учёного нашли отражение почти в двух сотнях научных статей и монографических трудах, из которых более 45 процентов были опубликованы за рубежом, в том числе в посвящённом Азербайджану 47-м томе энциклопедического труда «Геология СССР», а также в томах «Магматизм», «Тектоника» и «Полезные ископаемые» многотомной «Геологии Азербайджана». В различные годы Мухтар Рустамов являлся соавтором и основным исполнителем работы по составлению Геологической карты Азербайджанской ССР и Азербайджанской Республики, а также подготовленных в различные годы карт магматизма, метасоматизма, метаморфизма и металлогении. Видному азербайджанскому учёному принадлежат два авторских свидетельства, связанных с открытием им месторождений полискрип-пильолитов глин в Нахчыванской впадине, нашедших применение в производстве высокопрочных изделий в народном хозяйстве автономной области. Научные достижения М.Рустамова отражены в таких его монографиях, как «Южнокаспийский бассейн – геодинамические события и процессы» (2005 г., 344 стр.), двухтомный труд «Геодинамика и магматизм Загрос-Кавказского сегмента в фанерозое» (2016 г., 933 стр.), «Геодинамика и магматизм Каспийско-Кавказского сегмента Средиземноморского пояса в фанерозое» (2019 г., 543 стр.). Каждая из этих книг – кладезь неоценимых научных выводов, знаний, новых взглядов на многие дискуссионные вопросы. По мнению специалистов, все три книги не имеют аналогов по глубочайшему анализу огромного фактического материала и по другим позициям. В первой из вышеупомянутых книг известный учёный впервые не только предложил модель глубинно-фиолонидного происхождения нефти и газа в нефтегазоносных системах, но также представил и обосновал в их характеристиках нефтегазоносный потенциал Южнокаспийского бассейна. Двухтомная книга

«Геодинамика и магматизм Загрос-Кавказского сегмента в фанерозое» заняла особое место в творчестве учёного. Неслучайно она издана в немецком академическом издательстве «Палмарийум», одном из лидирующих в мире издательских домов, который публикует работы академического уровня, представляющие интерес для научного сообщества и распространяет их по всему миру. В этом фундаментальном труде обобщены данные полувекových исследований азербайджанского учёного. Мухтар Рустамов – геолог-романтик, поэтому обоим томам этого фундаментального труда предпосланы единый эпиграф, формулирующий основную цель многолетних исследований известного азербайджанского геолога: «Покрывые тайной могущественные и протяжённые горные цепи, обнимающие континенты на Земле, лишь суть подчинённые элементы в тектоническом плане геодинамики складчатых областей. Можно, конечно, изучить и подробно описать геологию какой-нибудь горной области или внутреннего морского бассейна и т.д., но невозможно дать событиям и процессам научное объяснение в целом, не рассматривая их во взаимосвязи со смежными регионами и относительно расположения океанических и континентальных плит в геологическом прошлом». В 2019 году по решению Учёного совета Института геологии и геофизики НАНА был издан очередной более чем 500-страничный фундаментальный труд Мухтара Рустамова «Геодинамика и магматизм Каспийско-Кавказского сегмента Средиземноморского пояса в фанерозое», посвящённый 75-летию Национальной академии наук Азербайджана. В нём автором проанализированы, обобщены и прокомментированы более 300 научных трудов учёных Кавказа и России, в том числе и своих, посвящённых заявленной в заголовке теме.

— Мухтар муаллим, когда и как у вас проявился интерес к таким многовековым исследованиям, которым Вы посвящали более 70 лет своей жизни?

— В 60-е – 70-е годы прошлого века была сформулирована теория тектоники плит, согласно которой в основе глобальных тектонических процессов лежит горизонтальное перемещение относительно целостных плит земной коры на уровне литосферы. Впервые это предположение было высказано немецким геологом и метеорологом Альфредом Вегенером в его книге «Происхождение континентов и океанов» в рамках гипотезы дрейфа континентов в 1912 году. Он заметил, что материка имеют сходные очертания по береговой линии, словно когда-то являлись единым целым. До него ещё в XVII веке Фрэнсисом Бэконом было замечено совпадение очертаний побережий Африки и Юж-

ной Америки. Вегенер пошёл дальше: развивая свою мысль, он очень ясно и просто объяснил многие непонятные геологические факты, например, что континенты являются независимыми плато, лёгкими по сравнению с более глубокими слоями земной коры, и могут, как льдины дрейфовать по литосфере, изменяя свое положение. Так например, Альпы образовались благодаря «подтопанию» Африканского континента под плато Европы, а Кавказские складчатые горные системы являются результатом столкновения Афро-Аравийского континента со Скифской и Туранской плитами континента Евразии. Он указал на многочисленные сходства в геологическом строении континентов, а также на общность ископаемой в геологическом прошлом флоры и фауны, однако его революционная теория, несколько десятилетий не получала поддержки научного сообщества. Лишь проведенные в 60-е годы прошлого века исследования по магнетизму дна океанов представили доказательство горизонтального движения континентов и процесса расширения океанов за счёт формирования океанической коры. Впервые была составлена карта рельефа дна Мирового океана и всё больше учёных приходили к пониманию необходимости нового взгляда на эволюцию планеты с точки зрения теории мобилизма (mobile – «движение, подвижный»), то есть концепции, допускающей значительные, на тысячи километров, горизонтальные перемещения участков земной коры. Теория тектоники литосферных плит, в конце концов, была принята мировой научной общественностью, но утвердилась и была признана в мире крупнейшим достижением науки о Земле XX века лишь в 70-е годы прошлого века. Однако в СССР по политическим соображениям она не была принята, а азербайджанскими тектонистами отвергалась как антинаучная. В Азербайджане я был первым и долгое время единственным, кто взял эту теорию на вооружение и обратил к изучению дна Каспийского моря с точки зрения тектоники литосферных плит. Я стал публиковать первые в геологической науке Азербайджана статьи на эту тему, вызывавшие иногда неприятие, но это не помешало мне продолжать свою работу в избранном мной научном направлении. Ныне в современной геологической науке геодинамика является приоритетным направлением.

Так вот, именно тогда, поскольку главным для нашего региона является нефть, я особое внимание обратил на тот факт, что Каспийское море, его дно не изучены, и на воображаемой геологической карте представлял собой сплошное белое пятно, а также, что никакие исследования с точки зрения геодинамической эволюции в южнокаспийской впадине не проводились.

— И с этого момента Вы «заболели» этой темой надолго...

— Можно сказать, что так и произошло. Все мои мысли за-

няла идея происхождения нефти. Дело в том, что долгое время в приоритете была органическая теория происхождения нефти, предложенная академиком Губкиным. Он считал, что источником происхождения нефти являются остатки растений и животных, скопившихся веками на дне морей и их заливов и перекрытых в дальнейшем наносами осадочных горных пород, то есть нефть образуется за счёт содержащихся в осадочных породах битума. Прорыв в научной мысли в вопросе происхождения нефти произошёл именно с появлением революционной теории тектоники литосферных плит.

Первую свою статью на эту тему я опубликовал в 70-х годах московском журнале «Геотектоника». В ней я впервые высказал и обосновал свои мысли для широкой геологической аудитории, потом уже собрал много материалов по этой теме. Рассмотрев по-иному суть происходящих геологических процессов, я пришёл к выводу о глубинном фиолонидном происхождении нефти, сопровождавшимся интенсивным образованием плом-потоков (то есть жидких и газообразных легкоподвижных компонентов мантии) в сфере Земли, и связи этого процесса, говоря кратко, с одновременным расширением океанов и образованием на континентных расколах по зонам глубинных разломов в литосфере Земли. Подобного рода раскол протянулся, например, на тысячи километров на Кавказе и в Персидском заливе. Подробно о своей теории я клалывал на международной конференции. Так как же обстоит дело с этой своей идеей, поскольку она входила в противоречие с официальной точкой зрения. Коллеги также с недоверием восприняли её, считая, что для образования магмы нужны специальные условия.

— К каким же конкретным выводам Вы пришли? Могли бы кратко сформулировать свою теорию происхождения нефти?

— Я очень глубоко проанализировал происхождение внутриземного шара процессы. Начало им положил произошедший 65 миллионов лет назад удар космического тела о Землю, который привёл к катастрофическим последствиям: погубило всё живое на суше и в море. Сегодня геологи находят их остатки в осадочных породах. Некоторые учёные даже обнаружили следы этого удара в Мексиканском заливе. Именно с этого времени в природе начались большие изменения: расширилось пространство Мирового океана, произошли значительные тектонические сдвиги, раскол континентов, о чём свидетельствуют и многочисленные сходства в их геологическом строении. Всё это отражено в соответствующих трудах по палеонтологии. Я лишь скажу, что меня интересовал вопрос связи геологических и геодинамических процессов происхождения нефти. В результате исследований я пришёл к выводу о глубинном фиолонидном происхождении нефти, сопровождавшимся интенсивным образованием плом-потоков (то есть жидких и газообразных легкоподвижных компонентов мантии) в сфере Земли, и связи этого процесса, говоря кратко, с одновременным расширением океанов и образованием на континентных расколах по зонам глубинных разломов в литосфере Земли. Подобного рода раскол протянулся, например, на тысячи километров на Кавказе и в Персидском заливе. Подробно о своей теории я клалывал на международной конференции. Так как же обстоит дело с этой своей идеей, поскольку она входила в противоречие с официальной точкой зрения. Коллеги также с недоверием восприняли её, считая, что для образования магмы нужны специальные условия.

(Окончание на стр. 9)

ОН РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ ЗЕМЛИ

(Окончание. Начало на стр. 8)

— Вы прошли огромный путь в науке, который ещё продолжается. А, если вернуться к истокам, как произошёл выбор вами профессии, ставшей вашей судьбой?

— Я окончил среднюю школу в Ордубаде, причём, с золотой медалью. Баку я к этому времени ни разу не видел, а в Бресте с 12 лет был вместе со средним братом несколько раз. Это было в годы войны. В Ордубаде находилась очень крупная шёлковая фабрика. Ордубадский район, как и Шекинский, в советское время занимался производством кокочов. Тем, кто сдавал больше кокочов, во время войны бесплатно давали нитки, причём не шутя, а по весу. Вот эти нитки мы продавали на ереванском базаре. От Ордубада до железнодорожного вокзала расстояние составляло четыре километра, и кто мог, шёл пешком, а кто-то пользовался грузовой машиной, чтобы своевременно добраться до места и быстро сбывать свой товар. Эти небольшие деньги также помогали нам пережить тяжёлые годы. Когда пришло время поступать в институт, средний брат взял мои документы, чтобы сдать в Азербайджанский индустриальный институт. Он сам вместе с нашим двоюродным братом учился в АЗИИ, только на разных факультетах. Так как я окончил школу с золотой медалью, был освобождён от сдачи вступительных экзаменов. Брат, когда сел в машину, спросил меня: «Мухтар, на какой факультет ты хочешь поступить?». Я сказал: «Сдай на архитектурный». Дело в том, что я любил рисовать, и даже на общегородской олимпиаде в Нахчыване получил премию за то, что хорошо скопировал портреты наших писателей, а также цветными карандашами нарисовал витязя в тигровой шкуре. Его изображение было на обложке книги Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», переведённой на азербайджанский язык. Я не проводил брата на вокзал, потому что

денег на обратную дорогу не было, а он взял с собой априкосы для продажи в Баку, чтобы окупить расходы на дорогу. После я узнал, что брат сдал мои документы на геологический факультет, так как на архитектурном обучению велось только на русском языке. В Баку я приехал в августе 1949 года. В те годы, прежде чем получить место в общежитии, надо было пройти дезинфекцию. Для этой цели на вокзале работала специальная баня, где дезинфицировали одежду и давали справку, что ты прошёл эту процедуру. Я прошёл её вместе с родными и двоюродными братьями, которые учились во втором курсе. Пять лет я прожил в этом общежитии на бывшей улице Солнцева, 42. Прочуился на геологическом факультете один месяц, когда меня вызвал к себе проректор, и спросил: «Вы хотите учиться на архитектурном факультете?». Видимо, в моих документах каким-то образом это было отмечено. Оказалось, что открылся сектор обучения также и на азербайджанском языке, и я подтвердил своё желание учиться там. Через какое-то время меня вызвал декан геологического факультета Мустафа Султанович Бабаев. Это был прекрасный человек из старого поколения. Таким же был и Аслан бек Везирзаде, я запомнил его имя, потому что часто слышал, как к нему обращаются. Они оба были интеллектуальными людьми, высококультурными в обращении, в разговоре, вообще, во всех отношениях. Таких людей я больше не встречал, но дело не в этом. Так вот, Бабаев вызвал меня и начал хвалить геологическую науку. Посоветовав не переходить на архитектурный, назначил меня старостой группы геологического факультета. Сам он читал очень интересные лекции по общей геологии, таких сейчас не читают: не хватает знаний, да и людей таких уже нет. Аслан бек читал лекции по кристаллографии и минералогии, он учился в Германии, работал во Франции, потом возвратился на родину.

— И как же Вы учились?
— Уже в первом же семестре моя фотография как отличника висела на доске. У меня такой характер: если я что-то осваиваю, то должен изучать всё предельно глубоко. В конце второго семестра был экзамен по начертательной геометрии. Этот предмет нам читал проректор АЗИИ Мамедов, который одновременно у моего двоюродного брата, учившегося на технологическом факультете, читал лекции по технологии нефтепроцессов. Он был очень серьёзным педагогом, строгим человеком. Приходя в аудиторию, читал лекции и, не задерживаясь, уходил. Перед этим экзаменом ребята в общежитии стали обсуждать, смогли ли и получить пятёрку по начертательной геометрии, и решили, что вряд ли мне это удастся, потому что предмет был очень трудный. Перед экзаменом проректор назначил нам двухдневную консультацию. Наиболее смелые из ребят выходили к доске и пытались самостоятельно решить предложенные преподавателем задачи. Одну из них никто не мог решить — правильный ответ никак не получался. Наконец, Мамедов сказал очередному студенту: «сяди!» и начал сам решать. Я человек верующий и всё объясню Богом, как только увидел ошибку, которую допустил педагог в решении задачи, и сразу сказал: «Учитель, вот в том месте вы не в том направлении идёте». Мамедов понял и быстро исправил ошибку. Следующую консультацию он не назначил, сказал только, чтобы готовились дома, а на экзамен принесли бумагу для черчения, а также красный и жёлтый карандаши.

... Никто не решался заходить на экзамен первым, все боялись. А я же был старостой, и когда Мамедов сказал: «заходите!», зашёл первым. Пока я находился в экзаменационной комнате, ребята пошли к декану Бабаеву и попросили помочь им сдать экзамен, поскольку он очень трудный. Я быстро решил задачу и, когда отвечал у доски, вошёл Бабаев. После

минутного разговора с Бабаевым Мамедов взял мою зачётку и написал «отлично». Тогда декан Бабаев сказал мне: «Ребята пришли ко мне и пожаловались, что экзамен трудный, а вы сдали его на «отлично», мол, поделитесь». «Отлично», — сказал Мамедов про меня. От радости пошёл вначале сообщить брату, а потом вышел в город гулять, сейчас даже не помню, куда ходил, до того был счастлив. Когда через некоторое время вернулся в институт, ребята ещё сдавали экзамен. Получали тройки, четвёрки, были и двойки, но пятёрку никто больше не получил. Вечером в общежитии собрались ребята из Ордубада и, радуясь, поздравляли меня с тем, что я получил у Мамедова пятёрку, комиссия давала премию на получение 25-процентной добавки к стипендии.

— И так успешно вы сдавали все экзамены до самого конца учёбы?

— Всё не так просто в этой моей истории, да и в жизни. На втором курсе мы сдавали экзамен по кристаллографии и минералогии Аслан беку Везирзаде в его кабинете, где стояли, до сих пор это помню, привезённые им из Германии большие, очень красивые шкафы на всю стену. В них он хранил уникальную коллекцию моделей структуры минералов. Во время экзамена две студентки попросили помочь им, я согласился. Одна из них вела позади меня, а другая — впереди. Аслан бек, высокоинтеллигентный человек, заметив, что я им помогаю, подошёл ко мне и сказал: «Эзизим, сян азадсан» («Дорогой, ты свободен»). Я, заметив, что я не реагирую, добавил: «Ты можешь идти...». Я не ушёл и долго сидел, находясь в состоянии шока. У нас стипендия составляла 396 рублей, и мы с братьями, поскольку помочь нам было некому, жили только на неё, я думаю, как буду жить, если лишусь её. На моё состояние обратил внимание ассистент Везирзаде Гаджи Керимов. Он подошёл ко мне и сказал: «Сиди, может, я угорю его». У него это получилось, и педагог поставил мне оценку. Только не пятёрку, а тройку, и это стало угрозой для получения красного диплома, когда пришло время защиты выпускной дипломной работы. Я был единственным, кто взял тему по петрографии. По сути, она была определена уже тогда, когда я впервые в 1949 году приехал с братом в Баку. По дороге в город мы проезжали нефтяные промыслы с многочисленными вышками. Мой старший брат сказал: «Мухтар, смотри, ты будешь на этих месторождениях работать». Но мне эта картина очень не понравилась, и поэтому я категорично заявил: «Если стану геологом, то буду работать только в горах». Так и получилось, и преддипломную производственную практику я, договорившись предварительно с учителем, проходил не на нефтяных месторождениях, а в горах.

— Как же вам это удалось?
— Я сказал учителю, что материальной помощи мне никто не оказывает, поэтому должен работать. Проработав геологом и получив очень небольшие деньги, я с месячным опозданием вернулся в институт.

— Что же это за работа

была?

— Я занимался поиском месторождений в Нахчыване. Начальник Нахчыванской поисково-разведочной партии Мустафабеги назначил меня начальником геологического отряда. Под моим руководством работали 12 рабочих. Нам дали большую палатку и отплатили в самое верховье реки Гиланчай, где не было никаких дорог. Нам пришлось идти туда пешком и начать вести многодневный поиск. Все рабочие были из ближайших селений. Помимо основной работы, они занимались также приготовлением еды, освобождая меня от этой заботы, а я им в конце написал дополнительный метраж, благодаря чему они получили хорошие деньги. Правда, начальство Нахчыванской геологической разведочной партии позже сделало мне замечание по этому поводу, но всё же поддержало. Мы вели поиск в сложных природных условиях, но смогли достичь цели — нашли сапфиринские полиметаллические рудопоявления жильного типа, в составе которых были цинк, свинец, золото... Приехала специальная комиссия во главе с Бакихановым, чтобы ознакомиться с ними и оценить масштаб впервые найденных рудопоявлений. Ректору АЗИИ Гаджаеву была направлена благодарности за то, что студент института впервые обнаружил богатейшие полиметаллические проявления. Это была моя дипломная практика. Когда уже возвращался домой в Ордубад, получил так много денег, что они не помещались в карманах моей летней одежды, и, в конце концов, выпали на землю. Люди на улице в селе Билал Ордубадского района, где это случилось, помогли мне их собрать и отдали всё до единого рубля.

— И всё же, как вы окончили институт? Неужели без красного диплома?

— Дипломную работу защитил на пятёрку, а ведь был отличником. Декан Бабаев, который вместе с Везирзаде и Шамилем Азизбековым входил в состав учёного совета, сказал, что тройка по минералогии мешает мне получить диплом с отличием. Тогда Везирзаде сказал: «Пусть пересдаст мне минералогию, я ему исправлю оценку». Он мне поставил «четыре», видимо, зная, что она не помешает мне получить красный диплом, и я окончил институт с отличием.

— Мухтар муаллим, Вы гордились, что готовите к печати новую книгу...

— Это четырёхтомная монография «Геология, магматизм, геодинамика и металлогения Нахчыванской Ар». Она представляет собой большой энциклопедический труд, работу над которым я начал, будучи студентом, в период своей работы технологом, коллектором в геологоразведочной партии в Нахчыване и во время работы в соседнем Иране. В нём, в основном, будут освещены новые фактические материалы, собранные мной, начиная с пятидесяти годов прошлого века. Я уже завершил работу над первым томом, который скоро будет сдан в печать.

— Спасибо Вам за интересную беседу.

Интервью вел
Франгиз ХАНДЖАНБЕКОВА.